

РАССКАЗ В УНИВЕРСИТЕТЕ ШАНЬСИ

Прежде всего, хочу выразить благодарность Ли Цуйвэнь и Чжао Цзяньчану за приглашение на эту встречу.

Это для меня большая честь.

Также прошу простить меня за то, что буду говорить по-русски, поскольку китайского языка я не знаю, к сожалению.

●
Я родился 6 октября 1948 года.

Я старше Китайской Народной Республики на один год без 5 дней, а Китай старше меня на 5 тысяч лет.

●
Лао-цзы сказал:

合抱之木，生於毫末；九層之臺，
起於累土；千里之行，始於足下。

Дерево толщиной в обхват вырастает из крошечного ростка.

Башня в девять этажей начинается с комка земли.

Путь в тысячу ли начинается с одного шага.

Мой интерес к Китаю начался с такого крошечного ростка, такого комка земли и такого одного шага.

●
Недавно я прочитал в переводе на русский лекции профессора Юй Дань 于丹 о Конфуции.

Она начинает свой рассказ с детских воспоминаний о своём отце.

Так что я тоже начну с детских воспоминаний. С тех пор прошло 70 лет, и я вспоминаю ту историю почти как анекдот.

Но это быль, это было на самом деле.

●
Моя мама работала в Военной артиллерийской инженерной академии имени Ф. Э. Дзержинского.

Так она тогда называлась.

А сейчас называется Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого.

Моя мама была не военная, она была, как тогда говорили, вольнонаёмная, а может быть, и сейчас так говорят.

Она была чертёжницей или не знаю, как называют людей, которые умели рисовать большие плакаты с разными схемами и надписями разноцветной тушью разными перьями.

У меня сохранилась коробочка с такими перьями и набор пластмассовых прозрачных линеек и трафаретов для рисования букв, цифр и всяких знаков.

Сейчас-то всё в компьютере делается, а для большой аудитории на экран проектором высвечивается.

А тогда компьютеров не было, поэтому делали плакаты, которые развешивали по стенам при защите разных проектов, дипломов и диссертаций.

У меня самого при защите кандидатской диссертации было четыре таких плаката, которые мне мама помогала делать.

Но это было в 79-м году, когда компьютеры уже были, я сам делал диссертацию по компьютерам.

Но это были ещё не персональные компьютеры, не ноутбуки, это были большие машины, занимающие целые залы.

●
И вот, когда мне было 5, 6, 7 и 8 лет моя мама уезжала на всё лето в летний военный лагерь Академии.

Это 1954-1957 годы.

Мама брала с собой меня, мою младшую сестру, и мою бабушку, мамину мать.

Лагерь находился в сосновом лесу.

У нас там был отдельный домик.

Недалеко от нашего домика располагались палатки, в которых жили слушатели Академии и дома-аудитории, в которых они учились.

В том лагере были учащиеся Академии из разных стран: Болгарии, Германии и Китая.

Там я познакомился с одним китайцем.

Я не помню, о чём мы с ним говорили.

О чём может говорить китаец, наверное, молодой, но всё-таки уже взрослый, военный человек — с маленьким мальчиком?

Жаль, что память не сохранила хотя бы обрывки разговоров.

●
Потом, уже в Москве, этот китаец приезжал один раз к нам в гости.

Мы тогда жили в доме на углу улицы Бакунинская и Рукунова переулка в большой коммунальной квартире (кроме нас, было ещё 13 семей).

Китаец подарил мне китайскую закладку для книг, длинную, с рисунком, узором и кисточкой. И что-то ещё, я уже не помню.

А мама и бабушка, конечно же, усадили китайца за стол: кормить и поить.

●
Китайцу наливали водку, а бабушка с мамой пили слабое домашнее вино.

Но китаец совсем не пил, только попробовал и скоро ушёл.

Мама недоумевала: не понравилась ему водка?

Попробовала сама – и... о, ужас!

Оказывается, бабушка перепутала и поставила на стол не водку, а уксус.

Вся квартира переживала – как бы не вышел
международный скандал.

Но всё обошлось.

Через 45 лет я написал вот такое стихотворение.
Перевод на китайский сделал мой друг, переводчик,
профессор Гу Юй.

В Рукуновом переулке
Во дворе седого дома
Старый тополь бросил тень.

В той тени сидел китаец
Опечаленный донельзя
От того, что слишком выпил
Нехорошего вина.

Он потом домой вернется,
Нарисует горы-воды,
И в беседке над обрывом
Будет долго созерцать.

И тогда напишет гатху
На углу своей картины

Про вино и тень, и тополь
Во дворе седого дома
В Рукуновом переулке,

Где обрел он просветленье
Неожиданно совсем.

鲁古诺夫巷

在鲁古诺夫巷，
灰白楼房的院子里
一棵老白杨投下阴凉。

阴凉里坐着个中国人
满脸愁云极度忧伤，
原因是他喝了劣质酒，
喝得过了量。

后来他起身回家，
想要画幅山水画，
坐在悬崖的亭子里
长久地构思遐想。

他在画的一角
题写了礼佛的诗行。

有酒，有阴凉，有白杨，
带院落的灰白楼房，
在鲁古诺夫巷，

在那里他受到启迪
这实在出乎想象。

2002年 11月 12日
2019, 5, 7 谷羽译

Вот такая глупая история, из которой выросли эти стихи. Так бывает.

Великая русская поэтесса Анна Ахматова написала стихотворение о том, из чего растут стихи.

Профессор Гу Юй перевёл это стихотворение на китайский язык по моей просьбе.

Я прочту по-русски вторую строфу.

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

**Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.**

Сердитый окрик,
дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

Анна Ахматова. 1940

我远离成群结队的颂扬，
我忌讳处心积虑的赞誉。
我写诗要跟别人不一样，
我写诗总喜欢不合时宜。

愿你们能了解，垃圾堆
也诞生不知羞耻的诗意，
像篱笆边的黄色蒲公英，
像野生的牛蒡还有滨藜。

愤怒呐喊，焦油的气息，
墙壁上霉苔斑点的神秘……
诗句有声，激扬而温柔，
这种诗，您和我都欢喜。

1940, 安娜·阿赫玛托娃
2023, 3, 23谷羽译

Потом я пошёл в школу, там я увлёкся математикой
в 4-м классе.

Помню, мы с моим приятелем сидели на уроке
математики и наперегонки решали одну за другой
задачи, которые нам давала учительница.

А ещё я тогда узнал, что существует двоичная
система счисления.

Наверное, я узнал это из Детской энциклопедии.
Самым толстым был 3-й том, посвящённый
математике и физике.

По прошествии нескольких лет он стал самым
потрёпанным.

Я исписал целую школьную тетрадку двоичными
числами: 0, 1, 2 – пишется как 10, 3 – пишется как
11, 4 – пишется как 100 и так далее.

Это всё, наверное, не случайно.

Потом, я окончил школу в 66-м году, а потом
окончил мехмат — механико-математический
факультет Московского государственного
университета в 71-м году.

И пошёл на работу в Институт Точной Механики и Вычислительной Техники Академии Наук СССР, где стал заниматься программированием на компьютерах.

Тогда их называли не компьютеры, а электронные вычислительные машины.

И сами компьютеры и программы для них, как известно, основаны как раз на двоичной системе счисления.

А ещё лет через двадцать я занялся исследованием И цзин — Канон Перемен.
Я изучал его как математик.

И, конечно, сразу увидел в 64 гексаграммах-гуа знакомые двоичные числа, шестизначные.

Потом я узнал, что был не первым, кто увидел двоичные числа в гексаграммах-гуа.

●
А первым был великий немецкий математик, философ, логик, механик, физик, юрист, историк,

дипломат, изобретатель и языковед Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716).

Это он в Европе изобрёл двоичную систему счисления в современной форме.

Тогда же он ознакомился с И цзин.

И пришёл в такой восторг, что написал письмо китайскому императору, в котором поздравлял китайский народ с открытием двоичной системы счисления.

Но ответа Лейбниц, конечно, не получил.

●
В Институте Точной Механики и Вычислительной Техники мы делали многомашинный вычислительный комплекс АС-6.

Я делал «Операционную систему периферийной машины многомашинного вычислительного комплекса АС-6». Так и называлась моя кандидатская диссертация.

Мне очень повезло: я попал в очень хороший коллектив.

Его дух и атмосферу удалось сохранить до сих пор, уже в Институте системного программирования.

Мой научный руководитель Александр Николаевич Томилин говорил о людях, вместе с которыми я работал:

Пришли люди и сделали дело.

А поскольку люди были хорошие, то и дело получилось хорошим.

Александра Николаевича уже нет с нами, а его слова остались.

●
В 1975 году наш комплекс АС-6 участвовал в обеспечении управления полётом космических кораблей «Союз-Аполлон».

Это был совместный советско-американский проект.

У меня есть памятная медаль.

Там написано: Советский центр управления полётом. Июль 1975 год.

На обороте написано: Участнику подготовки и обеспечения управления полетом космических кораблей «СОЮЗ-АПОЛЛОН».

А с начала 80-х годов я серьёзно увлёкся Китаем, и это увлечение продолжается вот уже больше сорока лет.

●
Я не помню, с чего всё началось.

А моя жена, её зовут Кадрия, сказала: «Ты не помнишь, а я помню. Всё началось с того, что я купила книгу о Ци Бай-ши».

Это был 83-й год.

●
Книга была очень хорошо издана.

Эту книгу написала Евгения Владимировна Завадская.

Евгения Владимировна изучала и любила Китай, но попасть в Китай смогла только после крушения Советского Союза.

Да и то не на материк, а на Тайвань.

Но и этим островом была так очарована, что мечтала остаться там до конца своих дней.

● Она хотела там жить под китайским псевдонимом Бай-чжи, который ей дал художник и искусствовед Чэнь Чуань-си.

Но тяжёлая болезнь заставила её нарушить все планы и вернуться на родину умирать.

● В своей книге Завадская приводит слова Ци Байши, которые он написал на одном из своих свитков:

«Смеюсь над собой.
Какая польза от официального звания?
Я владею моим искусством, и [мне]
этого достаточно.

Гравирюя до позднего вечера, я забываю о сне./

Я занимаюсь каллиграфией вместо того, чтобы прислуживать Двору.

...Я живу своим собственным трудом, а не за счет народа.

Я не слепой, и мои руки все еще ловкие;

И я смеюсь над собой, что я такой старый чудака».

Моё первое стихотворение на китайские темы написано в 85-м году.

Тогда я как раз прочитал книгу Завадской о Ми Фу 米黻 (1052-1107).

Стихотворение называется

«СМЕЮСЬ НАД СОБОЙ»

Эпиграф: *"... И я смеюсь над собой, что я такой старый чудака".*

Ци Бай-ши

Смеюсь над собой!

Над своей удивительной глупостью:

Имея профессию, должность
и немалые деньги за это,
смотрю в сторону.
И восхищаюсь великим китайцем Ми Фу,
потерявшим карьеру
из-за неумеренных занятий
живописью, каллиграфией и поэзией!
И ладно б молчал,
а то ведь слагаю стихи —
без ритма и рифмы —
Чем вызываю гнев
устоев.

Перевод Гу Юя:

自我嘲笑!

自嘲身为老怪物 ——齐白石

自我嘲笑!
嘲笑自己出奇的愚蠢:
有工作, 有职位,
有可观的薪水,
却东张西望羡慕他人。

我赞赏中国大画家米芾,
丢掉了官职,
痴迷于
绘画、书法与写诗!
最好沉默,
如若写诗——
就写自由体——
或许让有些人
认为我不守规矩。

1985年4月1日

2019, 7, 4 谷羽译

Книга Завадской открывается словами Ци Байши:

Я был беден в юности, в детстве работал
пастушонком...

Мой друг Гу Юй предложил мне написать
стихотворение о Ци Байши.

И я написал вот такое стихотворение.

●
В русской деревне крестьянин старик
Сказал мне: — Картинки его хороши!
Но только скажи мне, чем так уж велик,
Этот твой Ци Бай-ши?

Я отвечал: — Он всемирно известен!
Искусство его — как бальзам для души.
А он мне опять: — Ну, а всё-таки, честно,
Чем же велик этот твой Ци Байши?

Он был академик? С мешками деньжонок?
А может быть важным чиновником стал?
— Да бедный крестьянин! Он был
пастушонок.
С утра и до ночи всю жизнь рисовал.

Старик улыбнулся: — Хорош человек...
Ты вот что, мне имя его запиши.
— Тебе-то на кой?
— Я в церковь собрался, поставлю там
свечку и за упокой
честной китайской души Ци Бай-ши.

齐白石

俄罗斯乡下有个老农民
对我说: “他画得好, 确实!
求你告诉我, 他真那么伟大?
你的这位中国画家齐白石?”

我回答说: “他世界闻名!
他的艺术——让人的心灵痴迷。”
他又问我: “喏, 实话实说,
你说齐白石伟大有什么依据?”

他当过院士? 他有万贯家财?
或许是当过高官有权有势?”
“他生在农村! 小时候干农活。
一辈子从早到晚绘画从不停笔。”

老人家笑了: “他是个好人……
求求你, 为我写出他的名字。”
“你要他名字干什么?”
“我去教堂, 在那里点支蜡烛,
我要祈祷, 为心灵正直的齐白石。”

2019年7月3日

2019, 7, 4 谷羽译

●
У меня есть две тетрадки, в которые я записывал названия прочитанных книг.

Я это делал 5 лет, начиная с 84-го года.

Я назвал это «МОЯ ПЯТИЛЕТКА», хотя более правильно назвать это «МОЯ КИТАЙСКАЯ ПЯТИЛЕТКА», потому что из 170 прочитанных тогда книг 132 книги были о Китае или переводами с китайского.

Моими любимыми китайскими поэтами стали, прежде всего, те, чьи стихи я прочитал в эту пятилетку.

Восемь самых любимых — это Цюй Юань, Тао Юань-мин, Ван Вэй, Ли Бай, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Су Ши и Ли Цинчжао.

А самый-самый любимый — Тао Юань-мин.

Академик Алексеев говорил, что Тао Юань-мин для китайской поэзии занимает такое же важное место, как Пушкин — для русской поэзии.

Профессор Юй Дань в своей книге приводит слова Цзы-гуна «Беден, но не льстив» и ответ Конфуция: «Это неплохо, но недостаточно — есть более высокий предел: Беден и радостен».

子贡曰：「贫而无谄，何如？」子曰：「可也。未若贫而乐。」

Я читал и думал: Тао Юань-мин как раз такой.

Я угадал: Юй Дань тут же привела пример Тао Юань-мина.

●
У меня больше десятка стихотворений, посвящённых Тао Юань-мину.

Вот самое первое и самое короткое.

У него есть эпиграф: в китайском оригинале это 10 иероглифов.

暖暖远人村，依依墟里烟。

В переводе Льва Эйдлина они звучат по-русски так:

*Где-то в далях туманных
утопают людские селенья,
Тёмной мягкой завесой
расстиляется дым деревень.*

Моё стихотворение называется «**ТАО ЮАНЬ-МИН**»

Читал в метро китайского поэта,
и вдруг исчезли два тысячелетья,
как дуновенье ветра.
И сквозь меня до будущих веков
проплыла легко
" дым деревень " ...

陶渊明

我在地铁车厢里阅读
一位中国诗人的诗集
两千年的时光就像
一阵风，忽然消失。
树林里的烟雾
穿过我的身体
流向未来的世纪

竟如此轻而易举……

1985年 9月 27日
2019, 1, 17 谷羽译

●
Через 34 года, в 2019 году мы с женой были в Китае.

Это было наше третье путешествие по Китаю.

И каждый раз нас сопровождала Мин Хайчжэнь, для нас у неё ещё было русское имя Наташа.

За эти три поездки мы подружились, мы были у неё дома в гостях, и она была у нас в гостях в Москве.

В 2019 году я специально попросил Наташу побывать в горах Лушань и обязательно посетить могилу Тао Юань-мина.

Там, стоя у могилы Тао Юань-мина, мы прочитали моё любимое стихотворение Тао Юань-мина: Наташа — по-китайски, а я — в переводе на русский Льва Эйдлина.

Я слышал, что переводчик Тао Юань-мина, Лев Эйдлин тоже побывал на этой могиле.

Последняя строфа этого стихотворения Тао Юань-мина такая:

此中有真意，欲辯已忘言。

Я прочитаю русский перевод этой строфы:

В этом всё для меня
заключён настоящий смысл.
Я хочу рассказать,
и уже я забыл слова...

Если я правильно понимаю, последние слова намекают на Чжуан-цзы, которого Тао Юань-мин любил.

У Чжуан-цзы эти слова такие:

吾安得忘言之人而與之言哉？

По-русски так:

Где бы мне отыскать человека, забывшего про слова, чтобы с ним поговорить!

Рисовать я начал в 70-е годы.

Мы начали рисовать вдвоём с моей женой, Кадриёй.

Мы тогда ходили в туристические походы по Подмосковию, ночевали в палатке, садились на берегу реки или у края леса и рисовали акварелью один и тот же пейзаж.

Было забавно обнаружить, как два человека по-разному видят один и тот же пейзаж.

Правда, лет через семь наши акварели уже стали похожи друг на друга.

Потом Кадрия стала рисовать темперой, а потом — маслом. У неё немного картин — около сотни, потому что она долго рисует одну картину.

А я продолжал рисовать акварели, а потом ещё и китайской тушью на китайской бумаге. Я рисую очень быстро. Мне кажется, чем быстрее рисуешь, тем лучше получается. Хотя не всегда.

Сейчас у меня уже три тысячи картин, да ещё тысяча картин в компьютерной графике.

Конечно, не все из них хорошие.

А пару лет назад произошёл смешной случай. Меня и Кадрию пригласили участвовать в художественной выставке. Кадрия отобрала 6 картин. У меня тогда не было новых картин, а показывать старые картины мне было неинтересно. И я решил сделать копии картин Кадрии. Только у неё картины написаны маслом, а я хотел сделать копии китайской тушью на китайской бумаге. Когда я сказал об этом Кадрие, она обругала меня и заявила, что я мучаюсь дурью, что это вообще плохая идея. Но я её не послушался и стал делать копии. Кадрия продолжала меня ругать до последнего дня. Она говорила: «Ты хочешь, чтобы люди ходили, смотрели и сравнивали, у кого лучше, у кого хуже? Что за дурость! Мне это не нравится». На самом деле, конечно, никто не сравнивал, у кого лучше. Идея была совсем в другом: показать, как один и тот же пейзаж по-разному воспринимается, когда он написан маслом и когда он написан тушью. Это я вспомнил наши с Кадриёй акварели пятидесятилетней давности.

● По-настоящему я начал заниматься рисованием после того, как увлёкся Китаем.

Тогда, в начале 80-х годов, в Москве в магазине «Дружба» как раз появились в продаже роскошные китайские альбомы живописи.

Я купил 4 тома живописи из музея Гугун.

Ещё там были альбомы сунской живописи, но я пожалел денег, а теперь жалею, что пожалел денег.

Я рассматривал репродукции картин в этих альбомах и читал книги о китайской живописи.

● Хочу отметить две книги:

1. 《芥子園畫譜》

Слово о живописи из сада с горчичное зерно.

2. 《画语录》

«Беседы о живописи» Ши Тао.

Обе эти книги в переводе Завадской.

И третья книга — монография Завадской «Эстетические проблемы живописи старого Китая». Это её докторская диссертация.

●
Вот так я учился рисовать: разглядывая репродукции картин великих мастеров Китая и читая трактаты о живописи.

●
В 80-х годах у меня появилась «Книга Перемен» — «И цзин» — в переводе Щуцкого.

В то время был своеобразный бум интереса к И цзин.

Люди знакомились с Книгой Перемен и находили аналоги гексаграмм-гуа в своей области.

Как Лейбниц увидел в гексаграммах-гуа двоичную систему счисления.

Физики обнаруживали связь между системой гуа и системой элементарных частиц.

Химики увидели связь И цзин с периодической системой химических элементов.

Генетиков поразило совпадение чисел: 64 гуа и 64 кодона — единиц генетического кода.

Математики тоже изучали И цзин.

У меня было несколько опубликованных статей и докладов на конференциях.

●
В 90-м году мы с женой купили дом в деревне Липовка.

Это в Рязанской области, в глуши, за рекой Мокша.

До ближайшего шоссе 12 километров.

Решающим было то, что рядом с деревней был такой же сосновый лес и такой же песок, как в военном лагере далёких 50-х годов, где я, будучи ребёнком, познакомился с первым китайцем в моей жизни.

Вот стихотворение, которое я написал на листке бумаги в 92-м году, и с тех пор этот листок висит на стене моего дома в деревне Липовка.

Эта деревня южнее Москвы и ближе к Китаю — 400 километров на юго-восток от Москвы.

И прежде хотел я
жить в этой Южной деревне,
Себе Тао Цяня
поставив в высокий пример.
Пусть не удалось мне
за годы скопить столько денег,
Чтоб можно в столицу
мне было забыть пути.
Но все же часть года
могу проводить я в доме,
В который вложил я
свое разуменье и труд.
И в раннем тумане
смотреть, как восходит солнце,
И видеть, как ветер
ложится на гладь воды.
Простые заботы

могу отложить на время,
И древние книги
строку за строкой читать,
С другими людьми, что когда-то
любили эти же книги,
Через туман столетий
беззвучный ведя разговор.
Одно только жаль мне:
из ныне живых людей
Мое одиночество
ни с кем не могу разделить.
И чудным твореньем
нам вместе не восторгаться,
Неясные мысли
друг другу толкуя в нём.

Первые и последние строки – цитаты из стихотворения Тао Юань-мина, но только у него «не восторгаться» написано без частицы «не».

尊陶渊明为师

住在南方的乡村
是我最初的心愿，
我认为诗人陶潜
是我最高的典范。
即便我在这一年
难以积攒很多钱，
为的是能去京城
不至于半途而返。
不过更多的时间
还得在家里度过，
需要在这里思考，
需要在这里劳作。
当早晨雾气迷蒙，
看太阳如何东升，
看那平静的水面
如何能容纳清风。
日常的繁忙劳碌
我可以稍加拖延，
而那些古代典籍，
要逐行细读钻研，
古时候曾经有人

痴迷于这些经典，
须穿越百年迷雾
才能够无声交谈。
我只有点遗憾：
当代的活人中间，
没有人跟我交流
我感到特别孤单。
原本奇妙的创作
无人来分享赞叹，
当思绪混沌纷乱
也无人排解忧烦。

1992年 8月 利波甫卡
2019, 1, 21 谷羽译

●
В 94-м году я был в Липовке и читал ДаоДэцзин в разных переводах.

Однажды мне пришло в голову: а что, если попробовать написать книгу о Дао и Дэ моей деревни Липовка?

Так родилась книга, которую я назвал «Дао Дэ Липовка вэй». Или «Дао Дэ Ли По вэй»

В своей книге я старался следовать структуре и духу канона.

У меня тоже 81 глава.

Содержание каждой главы соответствует тексту Лао-цзы.

Когда это было уместно, я использовал прямые цитаты из «Дао Дэ цзина», выбирая вариант перевода по своему усмотрению.

Но, конечно, я писал, прежде всего, о моей деревне Липовка.

Мой друг, профессор Гу Юй перевёл эту книгу на китайский язык в 2020-м году.

Но она пока ещё не издана.

Когда моя работа была закончена, я написал:

Правда, теперь, когда работа закончена, я затрудняюсь ответить на вопрос: что же такое Липовка?

Существует ли она на самом деле?

Где проходит её Дао?

В чём заключается её Дэ?

Похоже, я проделал свою работу только для того, чтобы вопросы остались без ответа, неясное стало смутным, нечёткое — расплывчатым, а непонятное — загадочным.

说真的, 此刻, 当写作结束, 如果有人问: 里坡甫卡究竟是什么? 它确实存在吗? 通向它的道路怎么走? 它的可贵之处在哪里? 对于这些问题, 我可能难以回答。

我这项工作很可能是引发了质疑却得不到答案, 其结果是含混不清、模糊朦胧、飘忽不定、梦境一般难以破解的一个谜。

В 2022-м году работа с Даодэцином получила новое неожиданное продолжение, связанное с моей работой как математика.

Я вместе с моим коллегой-программистом занялись анализом структуры параграфов Даодэцина, основанной на параллелизмах.

Наша работа опирается на исследования российских китаеведов: Спирина, Карапетьянца и других.

В прошлом году вышла вот такая монография.
Я дарю её Шаньсийскому университету.

А ещё хочу подарить мою книгу стихов «Ритуальные числа».

Я хочу сказать об одном из самых важных событий моей жизни.

Это не самое важное событие в моей жизни.

Самым важным событием была моя встреча с Кадриёй, которая стала моей женой.

Мы вместе 53 года.

Вторых по важности событий было несколько: пять или шесть.

Одно из них произошло 11 января 2019 года.

Я получил письмо от профессора Гу Юя.

Он написал мне, что перевёл на китайский 10 моих стихотворений.

Мы стали обмениваться письмами.

За эти пять с половиной лет мы написали друг другу две тысячи писем.

Гу Юй перевёл больше пятисот моих стихотворений, включая 81 главу «Дао Дэ Ли По вэй».

В сентябре 2019 года, когда мы с женой были в Китае, у нас состоялась личная встреча в Тяньцзине.

Это была незабываемая встреча.

Позавчера была вторая встреча.

И эту встречу я тоже никогда не забуду.

Тогда же, в январе 2019 года я познакомился с Ли Цуйвэнь, которую Гу Юй попросил разыскать меня.

Благодаря им обоим я оказался сегодня здесь.